

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПАСПОРТ СЛОВА В АСПЕКТЕ РКН

Можно ли о человеке, знающем словарь и грамматику, сказать, что он в совершенстве владеет языком? Думается, можно только в том случае, если наряду с этими огромными по объему знаниями он освоил правила речевого поведения, фоновые знания, языковой социум.

В теории лингвострановедения установлено, что многие слова разных языков могут совпадать в понятийном плане, но обычно различаются своими фонами. Фон слова состоит из отдельных семантических долей, которые носят непонятный характер, они отражают не лингвистические, а социальные структуры. Семантизация дает возможность отразить какой-либо аспект социальной действительности, в которой употребляется данное слово, поэтому слово как единицу языка следует рассматривать с точки зрения наличия национально-культурного компонента.

Так, словарные статьи с заглавным словом *хлеб* занимают в толковых словарях не одну страницу, передавая семантику слова – ‘колосовое растение’ (*хлеб в поле*), ‘вымолоченное зерно’ (*хлеб в амбаре*), ‘мучное печеное’ (*черный хлеб*), ‘общее название пищи человека’ (*жить на своих хлебах*), ‘жизненные потребности’ (*зарабатывать на хлеб*). Однако социокультурный образ этого слова значительно шире и глубже. Он включает в себя социальные привычки, культурные традиции, обряды. Таким образом слово превращается в словесный образ.

Самое радушное, самое доброе, гостеприимное приветствие русских – *хлеб-соль*: *раздели со мной хлеб, отведай хлеба нашего, приобщись к столу, пусть в доме твоём будет сытость, мир, радость*. Вот что значит эти короткие слова *хлеб-соль*.

Родне, прибывшей издали, / Повсюду ласковая встреча, / И восклицанья, и хлеб-соль... Так упомянул А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» старинный обычай встречать близких, дорогих гостей. Это значение сохранилось и в русских пословицах: *Хлеб-соль – взаимное дело. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Хорош тот, кто поит и кормит; а и тот не худ, кто хлеб-соль помнит.*

Функционирование слова в речевом обращении вносит новые оттенки в их установившиеся значения, обновляет круг сочетаемости. *Хлебосольный дом* – дом радушный, гостеприимный, *хлебосольный хозяин* – самая большая похвала человеку, умеющему от всей души принять гостей. Уважение к хлебу не только поддерживает обычаи, но и расширяет их. Хлебом-солью не только встречают гостя, уважаемого человека, но и преподносят хлеб-соль как знак пожелания успеха. Появляется новая сочетаемость слов – *вручить хлеб-соль* (сравните: *вручить награду*).

Еще одно слово-образ: *яблоко*. Его функционирование в языке намного шире его семантического значения. В русском фольклоре, в литературе это

слово-образ является социокультурной реальней. На Руси яблоки упоминаются уже в XI в. Летописи хранят сведения, что киевский князь Ярослав Мудрый в 1051 г. заложил яблоневый сад. В народном сознании яблоко служило особой оценкой впечатлений, воззрений: *яблоку негде упасть* (образ тесноты), *яблоко от яблони недалеко падает* (символ семейного сходства). Однако чаще всего яблоко – символ особой красоты и здоровья. В русском языке красота яблока особо выделяется. Это легко заметить по постоянным «яблочным» эпитетам: *румяное, наливное, восковое, золотое*. Этот фольклорный образ запечатлен А.С. Пушкиным в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: *И к царевне наливное, / Молодое, золотое, / Прямо яблочко летит...* В русском фольклоре яблоку приписана не только необыкновенная красота, но и волшебная, целительная сила – *молодильное яблоко*. Чудесные яблоки награждают красотой, здоровьем, молодостью, но и наказывают злых, недобрых, лживых людей. Съест яблоко с такой яблони плохой человек – и вырастут у него рога, и спасти его может только яблоко с другой чудесной яблони. Образ волшебного яблока, приносящего горе, настолько закреплен в сознании (*яблоко раздора*), что у носителей русского языка оно ассоциируется с плодом, который преподнес змей-искуситель Адаму и Еве. На самом же деле в Библии этот плод называется плодом познания добра и зла.

Иногда слова-образы имеют большие синонимические ряды. Обратимся к синонимическому ряду еще одного слова-образа: *медведь – топтыга, космач, косолапый, Михайло Потапыч, Мишка*. Именно Мишкой, а не медведем дети называют свою любимую игрушку. Название этого животного активно входит в словарь русских пословиц и поговорок: *делить шкуру неубитого медведя, медведь на ухо наступил, медвежья услуга, медведь неуклюжий*. В этих пословицах медведь олицетворяет силу, огромность и неуклюжесть. В русском фольклоре он всегда предстает умным, добрым, сильным и справедливым, иногда простодушным и слишком доверчивым. В национальном самосознании образ медведя ассоциируется с русским национальным характером, отсюда словосочетание *русский медведь*.

В 80-е г. прошлого века появился еще один образ этого слова: *Мишка олимпийский* – хозяин и символ Олимпиады-80, XXII Олимпийских игр в Москве. Почему именно бурый медведь был определен талисманом? Претендента на талисман выбирали «всем миром», голосованием. Десятки тысяч людей выбрали медведя, но не животного, а именно его социокультурный образ – добрый хозяин, медоед, сладкоежка, лакомка.

Психолингвистами экспериментально доказано, что один и тот же объект у разных людей может вызывать разные ассоциации. Это объясняется тем, что характер ассоциации определяется целым рядом факторов, среди которых важное место занимает национально-культурная традиция. Именно в силу того, что иностранец, изучающий русский язык, сталкивается с незнакомой национально-культурной традицией, смысл иносказательного образа может быть им либо не понят, либо искажен.

В ситуации пересечения культур, с которой имеет дело преподаватель РКН, возникает целый ряд трудностей как формального, так и содержательного плана. При этом, даже если преодолены такие препятствия языкового характера, как незнание лексики, непонимание синтаксического строя предложения, мы не можем быть уверены, что содержательный план произведения воспринят с достаточной степенью полноты и адекватности.